ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ФОТОГРАФИЯХ

Архив ИИМН
Фонд № _____
Арх. № _____ лист

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

Monuments of archaeology in studies and photographs

(in the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Памятники археологии в исследованиях и фотографиях

(памяти Галины Вацлавны Длужневской)

УДК 902/904
ББК 63.4

Утверждено к печати Ученым советом
ИИМК РАН

Approved for printing by the Scientific Council
of the Institute for the History of Material Culture RAS

Редколлегия:

М. В. Медведева, Н. Ю. Смирнов (отв. редактор),
Н. А. Лазаревская (отв. секретарь),
Д. Г. Савинов, В. Н. Седых, М. Т. Кашуба

Editorial Board:

M. V. Medvedeva, N. Yu. Smirnov (Managing Editor),
N. A. Lazarevskaya (Managing Secretary), D. G. Savinov,
V. N. Sedykh, M. T. Kashuba

Рецензенты:

д.и.н. Ю. А. Виноградов, д.и.н. В. А. Лапшин

Reviewers:

Dr. of History Yu. A. Vinogradov, Dr. of History V. A. Lapshin

Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской). Сборник научных статей. — Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2018. — 328 с. : ил.

Monuments of archaeology in studies and photographs (in the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya). Collection of scientific papers. — Saint Petersburg: IHMC RAS, 2018. — 328 pages : il.

ISBN 978-5-907053-08-3

Сборник посвящен памяти известного российского археолога, доктора исторических наук, зав. Научным архивом ИИМК РАН Галины Вацлавны Длужневской (1946–2014). Памяти Г. В. Длужневской было посвящено специальное открытое заседание Ученого Совета ИИМК РАН (23 марта 2016 г.), собравшее полный зал участников, друзей и коллег Галины Вацлавны. Дальнейшим развитием этой благородной акции должно стать издание настоящего сборника, освещающего основные стороны многогранной научной и организационной деятельности Г. В. Длужневской. В творческой судьбе Галины Вацлавны отчетливо выделяются два периода. Первый — многолетние полевые исследования в Туве (ныне Республика Тыва), специальное изучение археологических памятников енисейских кыргызов в этнокультурной истории Центральной Азии и Сибири. Второй — активная творческая деятельность по руководству Научным архивом ИИМК РАН, изучение и популяризация фотографии как важнейшего вида археологических источников. Тот и другой периоды достаточно полно представлены в материалах настоящего Сборника, композиционно состоящего из трех частей. Часть I (меморативная) — воспоминания друзей и коллег о жизни и деятельности Галины Вацлавны, часть II посвящена проблемам археологии Центральной Азии и Сибири, в части III рассмотрены вопросы историографии и изучения фотографии как археологического источника. Публикация сборника — дань памяти Галине Вацлавне Длужневской, отдавшей 50 лет своей жизни и активной творческой деятельности Институту (ЛЮИА АН СССР — ИИМК РАН).

The collection is dedicated to the memory of the prominent Russian archaeologist, Director of the Scientific Archives of IIMK RAS, Dr. of History Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (1946–2014). To the memory of G. V. Dluzhnevskaya, a special broadened session of the Scientific Council of IIMK RAS was dedicated (March 23, 2016) which assembled the full audience of the participants — friends and colleagues of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya. This noble action was further continued in the publication of the present collection covering the main aspects of the many-sided scientific and organizational activities of G. V. Dluzhnevskaya. Two periods are clearly definable in the creative biography of Dluzhnevskaya. The first comprises field investigations of many years in Tuva (now the Republic of Tyva) devoted to special studies of archaeological sites of the Yenisey Kyrgyzes as part of the ethnocultural history of Central Asia and Siberia. The second period is concerned with the extensive creative activities at the Scientific Archives of IIMK RAS, studying and popularization of photography as a very important group of archaeological sources. The two periods both are fairly well represented among the materials of the present collection consisting compositionally of three parts. Part I (memorial) includes reminiscences of friends and colleagues about the life and scientific studies of G. V. Dluzhnevskaya. Part II is dedicated to problems of archaeology of Central Asia and Siberia. Part III discusses questions of historiography and consideration of photography as an archaeological source. This publication is a tribute to the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya, who had devoted 50 years of her life and active creative activities to the Institute (Leningrad Branch of the Institute of Archaeology AS USSR — Institute for the History of Material Culture RAS).

© Институт истории материальной культуры РАН, 2018
Institute for the History of Material Culture RAS, 2018

© Авторы статей (фамилии выделены в содержании), 2018
Authors of the papers (names are marked in the contents), 2018

ISBN 978-5-907053-08-3

Содержание

Список опубликованных научных работ Галины Вацлавны Длужневской (Л. М. Всевиов, М. В. Медведева)	9
Биография Г. В. Длужневской в фотографиях	20
С. И. Сергеев. Живописные работы тувинского цикла	24
ЧАСТЬ I. Друзья и коллеги о Галине Вацлавне Длужневской	30
Е. В. Бобровская, Т. А. Ершова, Н. А. Лазаревская, М. В. Медведева. Галина Вацлавна Длужневская (1946–2014). Научно-исследовательская деятельность и документальное наследие	30
С. Н. Астахов. Сквозь тернии к звездам	35
Б. Б. Овчинникова. С уважением, любовью и благодарностью... ..	38
Вл. А. Семенов. Галина Вацлавна Длужневская в Саянском каньоне Енисея	41
С. А. Васильев. Несколько слов о Гале Длужневской	45
А. В. Субботин. Мои воспоминания о Г. В. Длужневской	47
Л. А. Чиндина. Благодарю, что по судьбе прошла... ..	51
А. О. Машезерская. Архив возможных отношений	56
А. В. Максимова. Совместные проекты Фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук и Государственного музейно-выставочного центра РОСФОТО	58
Д. Д. Васильев, Г. В. Длужневская (†). Крымский альбом, изданный в Турции	63
ЧАСТЬ II. Археология Центральной Азии и Южной Сибири	69
Д. Г. Савинов. Окуневские изваяния Усть-Есинская Кыс-Таш и Ар-Хая (опыт источниковедческого анализа)	69
К. В. Чугунов. Центральная Азия накануне эпохи ранних кочевников	79
М. Е. Килуновская. Новые материалы по монгун-тайгинской культуре Тувы	86
А. А. Ковалев. Захоронения оленных камней в подкурганых могилах Синьцзяна — новый аргумент в пользу синьцзянского происхождения европейских изваяний предскифского периода	96
М. А. Дэвлет, Е. Г. Дэвлет (†). Петроглифы левобережья р. Чинге. Гора Устю-Мозага	104
М. Н. Пшеницына. Золотые украшения из кургана 2 в могильнике Новомихайловка I на юге Хакасии	113
С. В. Хаврин. О составе сплава золотых украшений из кургана 2 могильника Новомихайловка I (Хакасия)	117
В. А. Кисель. Женский ритуальный костюм в древней кочевой культуре Тувы	120
С. В. Красниенко. География археологических памятников Назаровской котловины	128
С. В. Панкова. Косы из погребения 4 Оглахтинского могильника	132
Т. Р. Садыков. Новые данные о городище кокзельской культуры Катылыг 5 в Туве	140
П. М. Леус. Монета «чан пин у шу» 553 года из могильника Терезин в Туве	145

<i>Б. Б. Овчинникова. Могильник Аймырлыг 2 — наследие енисейских кыргызов Центральной Тувы</i>	149
<i>Г. Г. Король. Декор ременной гарнитуры енисейских кыргызов Тувы и исследования Г. В. Длужневской</i>	156
<i>В. А. Завьялов. От Саянского каньона до истоков Енисея (к вопросу о строительстве и локализации уйгурских крепостей)</i>	163
<i>В. И. Распопова. Войлок и мех в живописи Пенджикента</i>	168
<i>А. И. Торгоев, Д. В. Лужанский. Средневековый могильник Сары-Жолга на оз. Иссык-Куль</i>	178
ЧАСТЬ III. История науки в документах и фотографиях	185
<i>И. Л. Тихонов. О роли фотографии в изучении истории археологии</i>	185
<i>Е. В. Бархатова. Приглашение в Сибирь: ранний фотопроjekt книгопродавца Карла Рикерра</i>	194
<i>М. Д. Бухарин, И. В. Тункина. «...Мне пришлось видеть много людей разных вер и наций...»: Письмо В. М. Успенского Д. А. Клеменцу</i>	200
<i>Л. Ю. Китова, Л. Ю. Боброва. Археологическая деятельность С. К. Кузнецова в Сибири</i>	205
<i>Е. Ю. Захарова. Археологические занятия барона Дмитрия Оттоновича Шеппинга на Воронежской земле</i>	212
<i>В. А. Алёшкин. Парижские университеты А. А. Миллера и его контакты во Франции с Ф. К. Волковым (1901–1905)</i>	219
<i>Н. Ю. Смирнов, П. Г. Гайдуков. Переписка из двух столиц: 1917 год в письмах А. В. Орешникова к В. В. Латышеву</i>	227
<i>А. Е. Мусин. Императорская археологическая комиссия и Польша: материалы по истории церкви Благовещения в Супрасле в архиве Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге</i>	240
<i>Н. Д. Моисеева. Поездка Петра Петровича Покрышкина в Сербию. Фотографии и открытые письма</i>	264
<i>В. Н. Седых. Из истории археологического изучения Ярославских могильников в дореволюционный период (по материалам НА ИИМК РАН)</i>	270
<i>С. В. Белецкий. Неизвестные фотографии Пскова 1946 года</i>	280
<i>Н. И. Платонова. Исследования в области археологической технологии в РАИМК/ГАИМК (1920–1930-е годы)</i>	285
<i>О. М. Мельникова. Северо-Восточный археологический и этнографический институт в Казани: на переломе исторических эпох (1917–1921 гг.)</i>	294
<i>В. С. Соболев. «Приходно-расходная тетрадь» И. Г. Бакмейстера как источник по истории Кунсткамеры. 1776–1783 гг.</i>	300
<i>В. А. Прищепова. Белуджи, джемшиды, хазарейцы Туркмении в фотоколлекциях 1920-х гг.</i>	303
<i>А. Н. Бессуднов. Страницы истории верхнедонской археологии (по материалам полевых дневников В. П. Левенка)</i>	313
Н. Ю. Смирнов. От степных кочевий — к обретенным храмам... Послесловие редактора	318
Список сокращений	322

Contents

List of published scientific works of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (<i>L. M. Vsevirov, M. V. Medvedeva</i>)	9
Biography by Galina V. Dluzhnevskaya in photos	20
S. I. Sergeev. Paintings of the Tuva cycle	24
PART I. Friends and colleagues about Galina Vatslavna Dluzhnevskaya	30
<i>E. V. Bobrovskaya, T. A. Ershova, N. A. Lazarevskaya, M. V. Medvedeva. Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (1946–2014).</i> Scientific research activities and the documentary heritage	30
<i>S. N. Astakhov. Per aspera ad astra</i>	35
<i>B. B. Ovchinnikova. With esteem, love and gratitude...</i>	38
<i>Vl. A. Semenov. Galina Vatslavna Dluzhnevskaya in the Sayan Canyon of the Yenisey</i>	41
<i>S. A. Vasil'yev. A few words about Galina Dluzhnevskaya</i>	45
<i>A. V. Subbotin. My recollections about G. V. Dluzhnevskaya</i>	47
<i>L. A. Chindina. I am thankful for having passed via my fate...</i>	51
<i>A. O. Mashezerskaya. Archives of possible relations</i>	56
<i>A. V. Maksimova. Joint projects of the Photographic Department of the Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences and the State Museum Exposition Centre ROSFOTO</i>	58
<i>D. D. Vasil'yev, G. V. Dluzhnevskaya (†). The Crimean album published in Turkey</i>	63
PART II. Archeology of Central Asia and South Siberia	69
<i>D. G. Savinov. Ust-Yesinskaya Kys-Tash and Ar-Khaya Okunevo sculptures (an essay on source study analysis)</i>	69
<i>K. V. Chugunov. Central Asia on the eve of the Early Nomad Period</i>	79
<i>M. E. Kilunovskaya. New evidence on the Mongun-Tayga culture of Tuva</i>	86
<i>A. A. Kovalev. Burials of deer stones in sub-kurgan graves in Xinjiang as a new argument in favour of the Xinjiang origin of European sculptures of the pre-Scythian period</i>	96
<i>M. A. Devlet, E. G. Devlet (†). Petroglyphs from the left bank of the Chinge River. Mt. Ustyu-Mozaga</i>	104
<i>M. N. Pshenitsyna. Gold ornaments from the barrow 2 in the cemetery of Novomikhaylovka I in southern Khakassia</i>	113
<i>S. V. Khavrin. Composition of the alloy of gold ornaments from kurgan 2 at the cemetery of Novomikhaylovka I (Khakassia)</i>	117
<i>V. A. Kisel'. Female ritual costume in the ancient nomadic culture of Tuva</i>	120
<i>S. V. Krasnienko. Geography of archaeological sites in the Nazarov Depression</i>	128
<i>S. V. Pankova. Plaits from burial 4 at the Oglakhty cemetery</i>	132
<i>T. R. Sadykov. New evidence on the fortified site of Katylyg 5 of the Kokel culture in Tuva</i>	140
<i>P. M. Leus. 'Chang Ping Wu Zhu' coin of 553 AD from the cemetery of Terezin in Tuva</i>	145

<i>B. B. Ovchinnikova. Cemetery of Aymyrlyg 2 — heritage of Yenisei Kyrgyzs of Central Tuva</i>	149
<i>G. G. Korol. The décor of strap mounts of the Yenisey Kyrgyzs of Tuva and studies of Galina V. Dluzhnevskaya</i>	156
<i>V. A. Zav'yalov. From the Sayan Canyon to the sources of the Yenisey (the problem of building and localization of Uigur fortresses)</i>	163
<i>V. I. Raspopova. Felt and fur in the paintings of Panjakent</i>	168
<i>A. I. Torgoev, D. V. Luzhanskiy. Mediaeval cemetery of Sary-Zholga on Lake Issyk-Kul</i>	178
PART III. The history of science in documents and photographs	185
<i>I. L. Tikhonov. Role of photography in studies of the history of archaeology</i>	185
<i>E. V. Barkhatova. Invitation to Siberia: an earlier photoproject of the bookseller Carl Ricker</i>	194
<i>M. D. Bukharin, I. V. Tunkina. "...I happened to meet many persons of different faiths and nations..." A letter of V. M. Uspenskiy to D. A. Clementz</i>	200
<i>L. Yu. Kitova, L. Yu. Bobrova. Archaeological activities of S. K. Kuznetsov in Siberia</i>	205
<i>E. Yu. Zakharova. Archaeological ardours of Baron Dmitriy Ottonovich Shepping in the Voronezhland</i>	212
<i>V. A. Alyokshin. Parisian universities of A. A. Miller and his contacts with F. K. Volkov in France (1901–1905)</i>	219
<i>N. Yu. Smirnov, P. G. Gaydukov. Correspondence from two capitals: 1917 in letters of A. V. Oreshnikov to V. V. Latyshev</i>	227
<i>A. E. Musin. The Imperial archaeological commission in Russia and Poland: information on the history on the Church of the Annunciation of the Mother of God, Supraśl, in the archives of the Institute of the History for Material Culture, Russian Academy of Sciences, in Saint-Petersburg</i>	240
<i>N. D. Moiseeva. Petr Petrovich Pokryshkin's trip to Serbia. Photographs and postcards</i>	264
<i>V. N. Sedykh. A point of the history of archaeological studies of Yaroslavl burial grounds in the pre-revolutionary period (after materials of the Scientific Archives of IIMK RAS)</i>	270
<i>S. V. Beletskiy. Unknown photographs of Pskov of 1946</i>	280
<i>N. I. Platonova. Studies in the sphere of archaeological technology in RAIMK/GAIMK (1920–1930s)</i>	285
<i>O. M. Mel'nikova. North-Eastern Archaeological and Ethnographical Institute in Kazan: at the turning point of historical epochs (1917–1921)</i>	294
<i>V. S. Sobolev. 'Receipt/housekeeping notebook' of I. G. Bacmeister as a source on the history of the Kunstkammer. 1776–1783</i>	300
<i>V. A. Prishchepova. Baluchis, Jemshids, Khazareis of Turkmenia in photographic collections of the 1920s</i>	303
<i>A. N. Bessudnov. Pages of the history of the Upper Don archaeology (Materials from the field journal of V. P. Levenok)</i>	313
N. Yu. Smirnov. From steppe nomads' camps to temples gained... Afterword of the editor	318
List of Abbreviations	322

Д. Г. Савинов¹

Окуневские изваяния Усть-Есинская Кыс-таш и Ар-Хая (опыт источниковедческого анализа)

Ключевые слова: изваяние, окуневская культура, женский образ, иконография, оберег, божество, Умай.

Keywords: sculpture, Okunevo culture, female image, iconography, amulet, deity, Umay.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-69-78

Среди многочисленных каменных изваяний Минусинской котловины одно изваяние, известное еще с петровских времен, до недавних пор оставалось единственным в своем роде. Это Усть-Есинская Кыс-таш («Девушка-камень»), открытая Д. Г. Мессершмидтом и описанная в трудах самых видных исследователей Южной Сибири — Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина, И. Р. Фалька и М. А. Кастрена, В. В. Радлова и И. Р. Аспелина (подробнее об этом см.: Грязнов, 1950. С. 134–138) (рис. 1, 1–6). Именно Усть-Есинская Кыс-таш, отнесенная к реалистической группе изваяний окуневской культуры (Вадецкая, 1980. С. 37–147), являлась по сути дела единственным статуарным памятником, сходство которого с изображениями на костяных пластинках и стеатитовыми статуэтками из погребений окуневской культуры (рис. 2, 1, 2, 4, 5, 7, 8) ни у кого из исследователей сомнений не вызывало.

Второе по счету каменное изваяние типа Усть-Есинского было открыто П. Г. Павловым в 1988 г. при раскопках могильника Ар-Хая (Южная Хакасия) около улуса Полтаков, приблизительно в 2–3 км южнее места находки Усть-Есинской Кыс-таш (рис. 2, 9). Оно отличается тем, что на нем нет изображения длинных распущенных на две стороны волос, но зато показано большее количество реалий, увеличивающих наше представление об аксессуарах изображений данного типа. Полтаковское изваяние найдено в ряду других камней ограды тагарского кургана; при этом было вкопано горизонтально, боковой стороной вниз. Оно

представляет собой плиту подтреугольной формы из светло-коричневого песчаника размерами 0,8 × 0,6 м. Изображения, сильно выветренные и сглаженные, покрывали всю лицевую плоскость камня (на правой стороне плиты, возвышавшейся над уровнем современной поверхности, они почти не сохранились). Нижний край изваяния плоский. По всей видимости, первоначально плита была не вкопана, а установлена на каком-то плоском основании, иначе не были бы видны рисунки в нижней части камня.

Оформление изваяния из Ар-Хая заслуживает отдельного описания. Наверху здесь находится выделенное очень неглубокой выбивкой по контуру изображение человеческого (женского) лица подтреугольной формы (рис. 2, 9). Нос длинный, глаза миндалевидные, с «точкой» посередине. В самом низу показан небольшой овальной формы рот. По сторонам лица выбиты друг над другом по три круглых серьги (или, возможно, подвески): три из них (одна с левой и две с правой стороны) с несомкнутыми концами. По «плечам» изваяния спускаются узорчатые ленты — по четыре с каждой стороны, украшенные прямоугольными фигурами (накладные бляшки? аппликация?). В левой части камня внизу располагается геометрическая фигура, украшенная ромбическим орнаментом (мешок или сумка?). Некоторые детали Полтаковского изваяния, в первую очередь кольца-серьги и подтреугольный абрис лица, достаточно хорошо «узнаваемы»; другие (узорчатые ленты на «плечах», мешок или сумка на «поясе») ранее не были известны.

У каждого из этих изваяний своя история: у Усть-Есинской Кыс-таш довольно длинная и запутанная, у изваяния из Ар-Хая более короткая, неизвестная, но,

¹ 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 5. Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета. Кафедра археологии.

Рис. 1. Каменное изваяние Усть-Есинская Кыс-таш: 1 — рисунок Д. Г. Мессершмидта; 2 — по М. А. Кастрену; 3 — по И. П. Фальку; 4 — по М. П. Грязнову; 5 — по И. Р. Аспелину; 6 — по Н. В. Леонтьеву, В. Ф. Капелько, Ю. Н. Есину (2–5 — по Грязнов, 1950. С. 128–156).

Fig. 1. Ust'-Yesinskaya Kys-Tash stone sculpture: 1 — drawing by D. G. Messerschmidt; 2 — after M. A. Kastren; 3 — after I. P. Falk; 4 — after M. P. Gryaznov; 5 — after I. R. Aspelin; 6 — after N. V. Leont'yev, V. F. Kapel'ko and Yu. N. Yesin (2–5 — after Грязнов, 1950. С. 128–156).

Рис. 2. Изображения женского персонажа в изобразительной традиции окуневской культуры: 1, 2, 5, 8 — «абаканские пластинки»; 3 — гравировка на стенках каменного ящика (Разлив X); 4, 7 — фигурки «таштыпского типа» (4 — реконструкция Л. А. Соколовой); 6 — Усть-Есинская Кыс-таш; 9 — Ар-Хая; 10–12 — гравированные гальки из Торгажака. На левой стороне рисунка линией показана предлагаемая схема развития данного образа (ссылки на источники даны в тексте).

Fig. 2. Images of a female personage in the figurative tradition of the Okunevo Culture: 1, 2, 5, 8 — 'Abakan plaques'; 3 — engraving on the walls of a stone cist (Razliv X); 4, 7 — figurines of the 'Tashtyp type' (4 — reconstruction by L. A. Sokolova); 6 — Ust'-Yesinskaya Kys-Tash; 9 — Ar-Khaya; 10–12 — engraved pebbles from Torgazhak. On the left side of the drawing, a presumed scheme of the evolution of this image is shown by a line (source references are given in the text).

очевидно, не менее сложная. Вместе они каким-то образом дополняют друг друга и позволяют понять место подобных памятников в культуре древнего населения Минусинской котловины.

Как уже говорилось, изваяние Усть-Есинская Кыс-таш было обнаружено Д. Г. Мессершмидтом в районе Есь-Бельтирских юрт на юге Хакасии. «В этих Есь-Тея-Абаканских степях, — писал Мессершмидт, — я нашел очень много скифских могил, на камнях которых были вырублены разные фигуры» (Мессершмидт, 2012. С. 132). Среди них под № 1 значится Усть-Есинская Кыс-таш, изображение которой помещено в дневнике Мессершмидта вместе с другими рисунками на курганных плитах, обнаруженных им 18 августа 1722 г. (рис. 1, 1) (СПФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 1, л. 203–206). Впоследствии оно неоднократно описывалось и публиковалось. Помимо рисунка Д. Г. Мессершмидта, известны графические воспроизведения этого изваяния по Фальку, Кастрену, Аспелину, Грязнову (рис. 1, 2–5); наконец, наиболее точное — в Своде изваяний окуневской культуры Н. В. Леонтьева и В. Ф. Капелько — (рис. 1, 6) (Leont'ev, Kapel'ko, 2002. Taf. 5, Nr. 16) и в русском варианте свода Н. В. Леонтьева, В. Ф. Капелько и Ю. Н. Есина (Леонтьев Н. и др., 2006. С. 112, № 16). Последняя копия (Там же) особенно ценна тем, что на ней показаны кольца-серьги, не замеченные другими исследователями, а также затертые рисунки в нижней части на обратной стороне плиты, свидетельствующие о ее неоднократном использовании (рис. 1, 6а).

Явное расхождение между всеми этими изображениями показывает, насколько по-разному видели исследователи древние изваяния и воспроизводили их не документально, а в соответствии со своими представлениями и художественными возможностями (рис. 1, 2–6).

Усть-Есинская Кыс-таш, по сути дела, — одно из первых ставших известными изваяний еще неоткрытой тогда окуневской культуры. М. П. Грязнов отмечал, что «первые сведения о памятнике (Усть-Есинской Кыс-таш. — Д. С.) были даны в 1739 г. Г. Ф. Миллером и И. Г. Гмелиным, которые называли его “кичик-куртуяк”» (Грязнов, 1950. С. 134). На самом деле, Миллером, шедшим «по следам» Мессершмидта, были даны первые указания об условиях нахождения уже ранее открытого памятника: «При одной маленькой и низенькой могиле, на запад от больших курганов... Камень этот назывался “кичик-куртуяк”, на котором было человеческое лицо с длинными волосами» (Радлов, 1894. С. 95). В дальнейшем, отмечает Миллер, «мы

встретили несколько “куртуяков”, в том числе “Большой куртуяк”» (Там же). Судя по описанию, имеется в виду изваяние Улуг Куртуяк-таш, также открытое Мессершмидтом (впоследствии перевезенное А. Н. Липским в Абаканский музей и ныне возвращенное на свое первоначальное место около улуса Онхаков. — Д. С.).

Поблизости, «на реке Аскизе, — продолжает Г. Ф. Миллер, — на половине подъема высокой горы оказалась столбообразная скала, а в последней небольшая плоская пещера с стоявшим в ней плоским камнем алебастровой породы, неправильные выпуклости которого (можно было) принять за изображение старухи. Этого камня и называют “Куртуяк”. Слово это служит вообще для обозначения каменной статуи (старухи — “Куртуяк”. — Д. С.). Рядом стояло “дитя старухи”, как уверяли татары (хакасы. — Д. С.), небольшой белый песчаник» (Там же. С. 94).

Приведенное описание, помимо всего прочего, интересно тем, что позволяет высказать два немаловажных предположения. Во-первых, очевидно, в традиционных представлениях существовала определенная иерархия каменных изваяний-куртуяков: наряду с большими (или Улуг — «великими») куртуяками были и маленькие — «кичик-куртуяки»; причем, возможно, изготавливались они из разных материалов. Во-вторых, некоторые из этих изваяний могли устанавливаться в специально «оборудованных» святилищах-пещерах. Нечто подобное можно предполагать и об условиях первоначального нахождения двух сохранившихся памятников этого вида — Ар-Хая и Усть-Есинской Кыс-таш.

История дальнейшего перемещения Усть-Есинской Кыс-таш подробно освещена в статье М. П. Грязнова (1950. С. 135–136). Так, по некоторым сведениям, оно стояло не на «маленькой могиле», как сообщает Миллер, а на кургане, известном у местного населения под названием «Кыс-Коза» («Девичий камень»). Скорее всего, это тоже не его первоначальное местонахождение, а название кургана было дано уже позднее по находившемуся на нем изваянию с изображением женского лица с распущенными (т. е. как у девушки. — Д. С.) волосами. М. А. Кастрен в 1817 г. осмотрел памятник и писал, что «около старой Сагайской церкви (Усть-Есь) лежит упавшее каменное изображение женщины, называемое “Кыс (девица)”, что раньше оно стояло на кургане Кыс-Коза (“Девичий камень”), теперь разрытом». В 1854 г. Н. А. Костров отмечал, что камень «“Кичик Кыс таш” находился уже в другом месте — у дер. Усть-Есь <...> между четырьмя разры-

тыми курганами» (*Грязнов*, 1950. С. 135–138). Наконец, В. В. Радлов, осмотревший Усть-Есинскую Кыс-таш в 1863 г., указывает, что «раньше Девичий этот камень стоял в другом месте <...> и был установлен здесь лишь лет пятьдесят назад» (*Радлов*, 1989. С. 432). Однако И. Р. Аспелин в 1887 г. на этом месте памятника уже «не застал». Нижняя часть его была отбита и переделана в маленький жернов, а верхняя часть, сколотая наискосок, перевезена Д. А. Клеменцем в Минусинский музей, где и хранится до настоящего времени (ММ, № 10).

Можно предполагать, что такой же непостоянной и даже драматичной была и «судьба» изваяния из Ар-Хая, в конце концов оказавшегося вкопанным «на боку» в ограде тагарского кургана около улуса Полтаков.

Несмотря на различия в передаче некоторых деталей, изваяния из Ар-Хая и Усть-Есинскую Кыс-таш объединяют большинство наиболее выразительных черт: близкие размеры; подтреугольная, со скругленной верхней частью форма плиты; плоское основание (для Усть-Есинского изваяния предположительно); строго фронтальное (в отличие от многих других окуневских изваяний) изображение на широкой стороне камня; удлиненный подбородок показанного на них женского лица; расположенные друг над другом кольца-серьги (по три с каждой стороны). На этом основании можно с уверенностью говорить, что данные памятники если (буквально) не одного и того же времени, то, во всяком случае, выполнены в одной изобразительной традиции, очевидно идентичного содержания и назначения.

Как то, так и другое изваяние («кичик-куртуяк»?) первоначально могли быть установлены в какой-то специально подготовленной для этого нише («пещере») и служить своего рода «домашним» святилищем, в отличие от «Больших» (или Улуг) куртуяк, к которым предположительно можно отнести еще два изваяния. Это — одно из изваяний, найденных в Уйбатской степи близ улуса Чарков с изображением расчесанных на две стороны волос и сложенными на груди (?) руками; и, возможно, еще одно изваяние из улуса Полтаков необычной Г-образной формы с таким же образом намеченными волосами и двумя расположенными друг над другом кольцами-серьгами (*Вадецкая*, 1980. Табл. XXXIV, № 27; XL, № 96; под теми же номерами см.: *Леонтьев Н. и др.*, 2006). Другие наземные (статуарные) изваяния с «реалистическими» (по Э. Б. Вадецкой) изображениями, скорее всего, к данному виду памятников отношения не имеют.

Сравнение (в плане идентификации) костяных пластинок с изображением женского лица с распущенными волосами с изваянием Усть-Есинская Кыс-таш стало общим местом в сибирской археологии; однако в связи с рассматриваемой нами темой требует дополнительной конкретизации. В основе всех представленных на них изображений лежит, по сути дела, один и тот же изобразительный канон: рисунок, как правило, помещается на одном конце пластинки с лицевой стороны, показаны вытянутые очертания женского лица, длинные распущенные на две стороны волосы, по бокам кольца-серьги, в некоторых случаях ожерелье (рис. 2, 1, 2). В стилистическом отношении к ним наиболее близки пестикообразные фигурки из стеатита, иногда происходящие из одних и тех же погребений, которые по одной из первых находок на р. Таштып могут быть названы фигурками «таштыпского типа» (рис. 2, 4, 7).

Первые находки художественных изделий подобного рода были сделаны в г. Абакане в 1945 г. (*Левашова*, 1975. Рис. 5). В настоящее время серия таких же изображений происходит из наиболее известных памятников позднего (черновского) этапа окуневской культуры: Черновая VIII (*Максименков*, 1980. Табл. XXIV, 12, 15, 18); Уйбат V (*Лазаретов*, 1997. Табл. XIVб, 8, 9); Верхний Аскиз I (*Хаврин*, 1997. Рис. 1, 1–6; *Ковалев*, 1997. Рис. 1, 1–3). Все они получили наименование пластинок «абаканского типа». В поздне-окуневском кургане Черновая XI найдены две такие пластинки. Одна из них отличается от всех остальных изображением роскошного головного убора, ниспадающего по обеим сторонам лица женщины, с четырьмя серьгами-подвесками и в этом отношении сближающаяся с изображением из Ар-Хая — рис. 2, 5 (*Леонтьев С.*, 2000. Рис. 3, 4). Другая — с изображением треугольного абриса лица и схематично переданными прямыми волосами (рис. 2, 8) — близко напоминает иконографию одной из групп антропоморфных галек из карасукского поселения Торгажак — рис. 2, 10–12 (*Савинов*, 1996. Табл. XX–XXIV).

Эту серию изображений дополняет пластинка «абаканского типа», найденная А. И. Готлибом на све Чебаки (*Готлиб*, 2002. Рис. на с. 131). Центральный женский образ на ней отличается обилием дополнительных деталей: многочисленные поперечные линии, в которые как бы «завернута» фигурка (в этом отношении она напоминает другую группу — «запеленутые» гальки из Торгажака); ожерелье из вертикальных черточек; двойные кольца-серьги по сторонам лица, на котором нанесены короткие поперечные

линии (возможно, татуировка?). Как и на других пластинках «абаканского типа», показаны расчесанные на две стороны волосы, но, скорее всего, это не волосы, а «парик», так как на месте пробора находятся несколько поперечных черточек, как бы соединяющих две его части. Не исключено, что также с «париком» могли употребляться и некоторые фигурки «таштыпского типа», показанные (как и Ар-Хая) вообще без волос (рис. 2, 7).

Изображения на пластинках «абаканского типа» (соответственно, наиболее близкая к ним Усть-Есинская Кыс-таш, а теперь и Ар-Хая) имеют непосредственное отношение к пониманию феномена окуневского искусства. Не касаясь этой чрезвычайно сложной и до конца не решенной проблемы, отметим здесь основные аспекты историко-культурной интерпретации «реалистических» изображений типа абаканских пластинок и Усть-Есинской Кыс-таш.

В начале некогда возникшей дилеммы определения их культурной принадлежности (карасукская или андроновская культура?) лежит ошибочное отнесение С. А. Теплоуховым некоторых баночных сосудов с орнаментированным дном, ныне считающихся типично окуневскими, к андроновской культуре (Теплоухов, 1927. Рис. 8, табл. VII, 1; IX, 1, 2), что вполне объяснимо, поскольку окуневская культура будет выделена много лет спустя. Один из таких сосудов был включен в андроновский ряд и в таблицах классификации С. А. Теплоухова (Теплоухов, 1929. Табл. I, 13). Возможно, это связано с тем, что в материалах одних и тех же могильников (в данном случае Батени-«Ярки») произошло смешение различных культурных традиций, как это имело место в предшествующую эпоху в памятниках типа Тас-Хазаа.

Раскопанные С. А. Теплоуховым погребения впоследствии эпонимного памятника Окунев улус, в котором была найдена такая же керамика, были отнесены М. Н. Комаровой к раннеандроновскому времени или окуневскому этапу андроновской культуры (Комарова, 1947). Таким же образом были датированы погребения могильника Абакан, церковь (раскопки 1945 г.), в одном из которых (гробница 4) впервые были найдены гравировки с ликами женских «божеств» (пластинки «абаканского типа»). На этом основании М. П. Грязнов передатировал все минусинские каменные изваяния, ранее определенные им как карасукские, временем существования андроновской культуры. Решающую роль при этом сыграло изваяние Усть-Есинская Кыс-таш, имевшая явное сходство с изображениями на абаканских пластинках (Грязнов, 1950).

Рассматривая генезис минусинских каменных изваяний эпохи бронзы, М. П. Грязнов исходил из положения, что развитие это шло по принципу «от простого к сложному», а именно: от реалистических изображений (типа Усть-Есинской Кыс-таш) к более сложным, нереалистическим, насыщенным различного рода дополнительными деталями, но все они укладываются в рамки андроновского времени. «Это были первые опыты по изготовлению монументальных каменных изображений, — писал М. П. Грязнов, — приведшие в дальнейшем к созданию чрезвычайно своеобразного, многообразного по формам и в то же время единого стилистически типа минусинских каменных баб эпохи бронзы <...> Эти формы определены нами как ранние на основании близкого сходства их с группой раннеандроновских изображений женщин, в числе которых находится и одна каменная баба — Усть-Есинская Кыс-таш» (Там же. С. 142).

Идею М. П. Грязнова об однолинейной эволюции минусинских каменных изваяний в дальнейшем, но уже в рамках вновь выделенной окуневской культуры, пыталась обосновать Э. Б. Вадецкая, выделившая три группы окуневских антропоморфных изображений: простые, реалистические и сложные нереалистические (Вадецкая, 1980. С. 48), но какого-либо перехода от реалистических, к которым относится все та же Усть-Есинская Кыс-таш, к сложным нереалистическим все же не получилось (Там же. Рис. 4). Справедливое замечание по этому поводу было высказано Я. А. Шером, отметившим, что «из опубликованных памятников к первой группе — реалистической — относится только одно изображение (Усть-Есинская Кыс-таш. — Д. С.). При этом стилистическое подобие обнаруживается только между изображениями на костяных пластинках и усть-есинским изваянием. Но изваяние “Кыс-таш” было найдено вне комплекса. Его этнокультурная атрибуция неизвестна» (Шер, 1980. С. 220–221).

С передатировкой всех минусинских изваяний, предложенной М. П. Грязновым, не согласился С. В. Киселев, по-прежнему относивший основную их массу к карасукской культуре, а изображения типа Усть-Есинской Кыс-таш и абаканских пластинок продолжал считать андроновскими (Киселев, 1962. С. 58). «Соображения М. П. Грязнова в пользу такой передатировки всей серии древних изваяний меня не убедили», — писал С. В. Киселев (Там же. С. 55). «Хотя С. В. Киселев и М. П. Грязнов обособили в реалистическую группу почти одни и те же памятники, — отмечала Э. Б. Вадецкая, — между классификациями этих исследователей имела существенная разница. М. П. Грязнов в реалистических изображениях видел раннюю форму

одного типа изваяний, т. е. реалистические и нереалистические считал звеньями одного искусства. С. В. Киселев же постоянно отмечал резкую разницу между этими изваяниями и стелы с нереалистическими личинами считал принадлежащими другой эпохе и другому народу, пришедшему в Минусинскую котловину из восточных районов» (*Вадецкая*, 1980. С. 41).

Дальнейшая дискуссия по этому поводу (андроновская или карасукская культура?) потеряла смысл с выделением окуневской культуры, но ближе к истине оказался С. В. Киселев. Однако, как сейчас ясно, решение данной проблемы лежит в совсем иной плоскости. Очевидно, что изображения типа Усть-Есинской Кыс-таш (а теперь и Ар-Хая) и абаканских пластинок представляют особую группу памятников, существовавших параллельно с «классическими» окуневскими и имевших свою стилистику и назначение (*Савинов*, 2006. С. 162–163). Основным источником их изучения по-прежнему остаются абаканские пластинки, типологически близкие к ним фигурки «таштыпского типа», а также два сохранившихся каменных изваяния (Усть-Есинская Кыс-таш и Ар-Хая). На самом деле их количество могло быть значительно большим.

Во всех этих изображениях, по-своему изящно стилизованных, представлен один и тот же образ прекрасной женщины в самом расцвете сил с роскошными волосами (или искусно переданным «париком») и украшениями. Образное описание его дано М. Л. Подольским, отметившим, что в этих изображениях «поражает нарочитый “вертикализм” композиции: очень вытянутое лицо с острым подбородком и прямым удлинённым носом, свисающие с ушей цепочки колец, ниспадающие пряди волос. Попытки свести специфические пропорции лица к особому антропологическому типу

надежной основы не имеют. Эти пропорции находят убедительное объяснение в композиционной цельности и поразительной одухотворенности образа <...> Изображался ли в каждом конкретном образе бог или обожествленный предок, его облик безусловно иконописен, он посредник в общении с небесными силами» (*Подольский*, 1997. С. 187).

Условия нахождения этих изображений различны: предметы мелкой пластики (гравировки на костяных пластинках и стеатитовые фигурки) найдены непосредственно в погребениях, как правило, в женских или детских, чаще всего по несколько экземпляров сразу (табл.). Это позволяет исключить подобные изделия из состава обычного сопроводительного инвентаря и рассматривать их как своего рода «обереги», материально-художественное воплощение идеи возрождения детских «душ» (?), или благополучной реинкарнации девочки–женщины–матери, освященной благожелательным присутствием обожествленного женского образа.

Скорее всего, до помещения в могилу эти изображения могли находиться в жилище и в этом отношении сопоставимы с культом сибирских онгонов, часть из которых исполняли ту же самую функцию. Эту параллель удачно использовала Л. А. Соколова, предложив реконструкцию «одетой» (по примеру онгонов) стеатитовой статуэтки — рис. 2, 4 (*Соколова*, 2012. Рис. 1, 6). Такие места хранения (и почитания!) данной категории культовых изделий можно условно определить как «домашние» (или «семейные») святилища.

Статуарные памятники (изваяния) с изображением того же образа (Усть-Есинская Кыс-таш и Ар-Хая), представляющие собой каменные плиты размером в среднем, судя по Ар-Хая, 80 × 60 см, «экспонирована

Таблица

Данные об условиях нахождения пластинок абаканского типа в некоторых погребениях окуневской культуры

Table

Data on the conditions of finding plates of the Abakan type in some burials of the Okunevo culture

Памятник	Кол-во пластинок	Состав погребенных	Источник информации
Абакан, церковь, мог. 4	2	Женщина с младенцем	<i>Левашова</i> , 1975. Рис. 5
Черновая VIII, кург. 9, мог. 7	4 (?)	Ребенок (девочка) 4–5 лет	<i>Максименков</i> , 1980. Табл. XXIV, 12, 13, 15
Верхний Аскиз I, кург. 1, мог. 9	6	Женщина 20–25 лет	<i>Хаврин</i> , 1997. Рис. 1
Верхний Аскиз I, кург. 2, мог. 11	3	Младенец	<i>Ковалев</i> , 1997. Рис. 1
Уйбат V, кург. 4, мог. 9	2	Младенец, около 1 года	<i>Лазаретов</i> , 1997. Табл. XIV, 8, 9

лись» по-другому. Плоское основание изваяния из Ар-Хая (такое же могло быть у Усть-Есинской Кыс-таш) позволяет предполагать, что подобного рода плиты — с фронтальным изображением по всей передней плоскости камня — не вкапывались, а устанавливались в специально отведенных для этого местах. Факт сооружения отдельных ниш для помещения в них предметов культа доказывается материалами того же карасукского поселения Торгажак, где такие ниши были оборудованы в стенах жилищ. В одной из них на оббитой по краям тонкой плите была установлена верхняя часть («голова») окуневского изваяния; в других найдены разбитые (намеренно?) каменные плитки с рисунками животных в «карасукском» стиле (Савинов, 1996. Рис. 6). Дополнительным подтверждением существования таких специально оборудованных мест для помещения подобных изваяний могут служить приведенные выше сведения о нахождении «куртуяк-таш» в пещерах, внутри («на склоне») почитаемой горы. Такие места почитания этого обожествленного персонажа могли играть роль более крупных («родовых») святилищ.

По условиям нахождения и, очевидно, содержанию проводившихся обрядовых действий они принципиально отличны от крупных степных (условно — «племенных») святилищ с «классическими», установленными рядами окуневскими изваяниями, часть из которых были археологически исследованы Л. Р. Кызласовым. Обнаруженные при этом артефакты (кости животных, фрагменты керамики, оббитые песчаниковые диски), несмотря на свою малочисленность, свидетельствуют о проводившихся здесь, у подножия изваяний со сложными «нереалистическими» изображениями, обрядах жертвоприношения, связанных с совершенно иным кругом представлений (Кызласов, 1986. С. 87–136). Особенно много таких святилищ в Уйбатской степи (район улуса Чарков), очевидно, бывшей во все исторические эпохи сакральным центром Минусинской котловины.

Изображения женских ликов с распущенными волосами появляются в момент расцвета окуневской изобразительной традиции. Устойчивая иконография и своеобразная стилизация в передаче этого женского образа, независимые от материала и вида изобразительной деятельности (каменные плиты — статуарные изображения, гравировки по кости, мелкая пластика), говорят о значении его в жизни и ритуальной практике населения окуневской культуры. При этом традиция изготовления (и, очевидно, почитания) подобных изображений не ограничивается хронологическими

рамками окуневской культуры, а продолжает существовать и в последующее время.

В этом отношении наиболее показательна одна из групп гравированных галек карасукского поселения Торгажак, также передающих образ нарядно одетой женщины. Явное сходство между ними не нуждается в особых доказательствах: тот же подтреугольный абрис схематически переданного лица, таким же образом показанные глаза и рот, длинные распущенные на две стороны волосы — рис. 2, 10–12 (Савинов, 1996. Табл. XX–XXI). В гравировках на одной из плит кургана Разлив X те же женские персонажи с распущенными волосами и характерным вытянутым подбородком показаны в профиль — рис. 2, 3 (Пшеницына, Пяткин, 2006. Рис. 3). Одна из них, более мелкая, представлена в длинном одеянии, украшенном геометрическими узорами, такими же, как на антропоморфных гальках из Торгажака (Савинов, 2003. Рис. 18, 19). В деталях изображений особенно велико сходство между изваянием из Ар-Хая, двумя пластинками абаканского типа из Черновой XI и некоторыми антропоморфными гальками из Торгажака: характерные, соединенные по несколько друг над другом кольца-серьги (или подвесные украшения?), накинутые на «плечи» узорчатые ленты (на пластинке из Черновой XI — головной платок), прямые пряди распущенных на две стороны волос; в некоторых случаях, как на Ар-Хая, подвешенная на «поясе» сумка (или мешок) с геометрическим орнаментом (рис. 2, 5, 8, 9).

Эти изображения занимают как бы промежуточное место между «классическими» пластинками «абаканского типа» и гравированными гальками из Торгажака, что позволяет представить общую схему их развития (рис. 2; связь между отдельными группами изображений показана на левой стороне рисунка). По этой схеме, Усть-Есинская Кыс-таш одновременнона пластинкам «абаканского типа». Каменное изваяние из Ар-Хая относится к несколько более позднему времени, хотя, насколько именно, сказать трудно. Скорее всего, их хронологическое соотношение такое же, как могильников Черновая VIII и Черновая XI. Производными от них являются гравировки с передачей того же самого персонажа на торгажакских гальках. Таким образом, в данном виде изображений окуневская изобразительная традиция, минуя андроновскую, переходит в карасукскую.

По сути дела, к такому же заключению и на тех же фактических материалах, благополучно «обойдя» все сделанные по этому поводу выводы из вышедших за последние годы работ (см. Савинов, 2006; 2015), при-

шла в своей обзорной статье Э. Б. Вадецкая (2016. С. 210–219). А это означает, что идея однолинейного эволюционного развития иконографии антропоморфного образа окуневского искусства по принципу «от простого к сложному», или от реалистических к не-реалистическим, вообще теряет смысл. «Реалистические» изображения стоят не в начале типологического ряда, а образуют отдельное направление уже внутри существующей окуневской изобразительной традиции, стилистические отличия которых определяются, в первую очередь, их внутренним содержанием. И в таком канонизированном виде продолжают существовать и в последующее время.

Говорить о семантике рассматриваемого персонажа можно, исходя, в первую очередь, из контекста нахождения его изображений. Абаканские пластинки и фигурки «таштыпского типа» — этого своего рода «обереги», найденные непосредственно в погребениях женщин и детей. Более высокое положение в иерархии данного образа, очевидно, занимали статуарные памятники (типа Усть-Есинской Кыс-таш и Ар-Хая), находившиеся в специально сделанных (?) для них нишах-святилищах. Что касается торгожакских галек, то, исходя из условий нахождения (там, где удалось проследить), их изготовление и использование, скорее всего, было связано с проведением сезонных «праздников» или обрядов генеалогического цикла, нацеленных на обеспечение благополучия женщин и рождения детей (Савинов, 2003. С. 68–69), то есть в том семантическом поле, что и подобных им изображений окуневской культуры.

Приведенных материалов достаточно, чтобы конкретизировать внутреннее содержание (семантику) образа женщины с распущенными волосами в окуневской изобразительной традиции. В первую очередь, это явно не случайное внимание к изображению распущенных волос: волосы как средоточие витальной субстанции человека; распущенные или, наоборот, заплетенные волосы как ритуально-знаковое обозначение возрастного (и семейного) положения девочки-женщины являются одним из самых устойчивых элементов духовной культуры традиционных обществ, независимо от времени их существования. Судя по исполнению женским персонажем абаканских пластинок и изваяний типа Ар-Хая и Усть-Есинская Кыс-таш определенного круга функций (женщины–дети) и высокой степени персонификации, данный образ больше всего напоминает будущую богиню древнетюркского пантеона Умай, которой посвящена одна из ранних работ Г. В. Длужневской (1978). По всей вероятности,

изобразительное воплощение данного образа могло меняться в зависимости от традиций и художественных идеалов своего времени, сохраняя при этом свою основную общественную функцию — покровительницы и охранительницы женщин и детей.

Литература

- Вадецкая, 1980 — Вадецкая Э. Б. Изваяния окуневской культуры // Э. Б. Вадецкая, Н. В. Леонтьев, Г. А. Максименков. Памятники окуневской культуры. Л., 1980.
- Вадецкая, 2016 — Вадецкая Э. Б. Окуневские изваяния: обзор некоторых результатов их изучения // Алтай в кругу Евразийских древностей. К 70-летию В. Д. Кубарева / отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск, 2016.
- Готлиб, 2002 — Готлиб А. И. Горные сооружения — «све» — новый вид археологических памятников в Минусинской котловине // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Михаила Петровича Грязнова / отв. науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб., 2002. Кн. I.
- Грязнов, 1950 — Грязнов М. П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами // СА. 1950. Т. XII.
- Длужневская, 1978 — Длужневская Г. В. Еще раз о «кудыргинском валуне» (к вопросу об иконографии Умай у древних тюрков) // Тюркологический сборник 1974. М., 1978.
- Киселев, 1962 — Киселев С. В. К изучению минусинских каменных изваяний // Историко-археологический сборник. К 60-летию А. В. Арциховского. М., 1962.
- Ковалев, 1997 — Ковалев А. А. Могильник Верхний Аскиз I, курган 2 // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / сост. и ред. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб., 1997.
- Комарова, 1947 — Комарова М. Н. Погребения Окунева улуса. К вопросу о хронологическом разделении памятников андроновской культуры Минусинского края // СА. 1947. Т. IX.
- Кызласов, 1986 — Кызласов Л. Р. Древнейшая Хакасия. М., 1986.
- Лазаретов, 1997 — Лазаретов И. П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / сост. и ред. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб., 1997.
- Левашова, 1975 — Левашова В. П. Раскопки могильника окуневской культуры в Абакане в 1945 г. // Археология Северной и Центральной Азии / отв. ред. А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Новосибирск, 1975.
- Леонтьев С., 2000 — Леонтьев С. Н. Мелкая пластика окуневской культуры из кургана Черновая XI // Вестник САИПИ. Кемерово, 2000. № 2.
- Леонтьев Н. и др., 2006 — Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан, 2006.

- Максименков, 1980 — Максименков Г. А. Могильник Черновая VIII — эталонный памятник окуневской культуры // Э. Б. Вадецкая, Н. В. Леонтьев, Г. А. Максименков. Памятники окуневской культуры. Л., 1980.
- Мессершмидт, 2012 — Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск. 1721–1722. Абакан, 2012.
- Подольский, 1997 — Подольский М. Л. Овладение бесконечностью (опыт типологического подхода к окуневскому искусству) // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / сост. и ред. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб., 1997.
- Пшеницына, Пяткин, 2006 — Пшеницына М. Н., Пяткин Б. Н. Курган Разлив X — памятник окуневской культуры // Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение / ред. Д. Г. Савинов и др. СПб., 2006.
- Радлов, 1894 — Радлов В. В. Сибирские древности. СПб., 1894. Т. II. Вып. 1.
- Радлов, 1989 — Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989.
- Савинов, 1996 — Савинов Д. Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб., 1996.
- Савинов, 2003 — Савинов Д. Г. Торгажакские гальки (основные аспекты изучения, интерпретации) // АЭАЕ. 2003. Т. 14. № 2.
- Савинов, 2006 — Савинов Д. Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства //
- Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение / ред. Д. Г. Савинов и др. СПб., 2006.
- Савинов, 2015 — Савинов Д. Г. Стратиграфия окуневского искусства // Искусство бронзового века: Материалы Междунар. симп. (Штральзунд, Германия, 15–19 апр. 2013 г.) / ред. С. Хансен, В. И. Молодин. Новосибирск; Берлин, 2015.
- Соколова, 2012 — Соколова Л. А. Окуневское искусство как отражение реальной жизни // Археологические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого. К юбилею С. В. Студизкой и М. Ф. Косарева / ред. М. П. Чёрная, Л. А. Чиндина. Томск, 2012.
- Теплоухов, 1927 — Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае // МЭ. Л., 1927. Т. III. Вып. 2.
- Теплоухов, 1929 — Теплоухов С. А. Опыт классификации металлических культур в Минусинском крае. (В кратком изложении) // МЭ. Л., 1929. Т. IV. Вып. 2.
- Хаврин, 1997 — Хаврин С. В. Могильник Верхний Аскиз I, курган 1 // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / сост. и ред. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб., 1997.
- Шер, 1980 — Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.
- Leont'ev, Kapel'ko, 2002 — Leont'ev N. V., Kapel'ko V. F. Steinstelen der Okunev-Kultur // Archäologie in Eurasien. Berlin; Manz, 2002. Bd. 13.

Д. Г. Савинов

Окуневские изваяния Усть-Есинская Кыс-таш и Ар-Хая (опыт источниковедческого анализа)

Статья посвящена сравнительному анализу нескольких видов изображения женского образа в искусстве окуневской культуры: на каменных изваяниях (Усть-Есинская Кыс-таш и Ар-Хая), костяных пластинках (абаканского типа) и стеатитовых статуэтках (таштыпского типа), а также на гравированных гальках с передачей того же образа из карасукского поселения

Торгажак. На основании проведенного анализа делается вывод о существовании самостоятельной образительной традиции, связанной с почитанием женского божества, по своему назначению — покровительницы женщин и детей, — сопоставимого с одним из главных персонажей древнетюркского пантеона — богиней Умай.

D. G. Savinov

Ust-Yesinskaya Kys-Tash and Ar-Khaya Okunevo sculptures (an essay on source study analysis)

This paper is dedicated to comparative analysis of a series of female images in the art of the Okunevo Culture. It is stone sculptures (Ust-Yesinskaya Kys-Tash and Ar-Khaya), bone plaques (of the Abakan type) and steatite statuettes (of the Tashtyp type), as well as engraved pebbles with the representation of the same image from the Kara-Suk set-

tlement-site of Torgazhak. On the basis of the analysis conducted, it is concluded that there existed an independent figurative tradition concerned with worship of a female deity who was a protector of women and children. This image is comparable with one of the main figures of the ancient Turkic pantheon, i. e. the goddess Umay.